

сгладить грани высокого, посредственного и низкого «штилей», смешать морфологические различия имен, глаголов, которые были разграничены Ломоносовым по стилистическому признаку, допустить в прозу бытовой язык и даже «подлые», «низкие» слова, т. е. экспрессивно окрашенные народные элементы.

Вместе с тем это нарушение границ стилей и возникновение новых структурных форм высокого и среднего слога, не укладывавшихся в установленные нормы, было, вероятно, обусловлено и характером французского оригинала, он толкал на это переводчиков: «...трудно было подыскивать фразеологические эквиваленты семантике западноевропейских языков в условно-метафорической, церковно-книжной структуре высокого слога».¹²

Сама жизнь требовала упрощения и, следовательно, «обрушения» русского языка — в этом процессе Елагин и Лукин были пионерами. Лишь в области синтаксиса находились они еще в плену старой литературной традиции, связанной с формами латинско-немецкого периода и церковно-книжной риторикой, у Лукина же закрепившейся практикой его канцелярской службы. Однако и здесь мы видим порой намечающуюся эволюцию Лукина в сторону более простой конструкции, теряющей архаические признаки.

Все эти «вольности» и стремление найти какие-то пути к нормализации русского литературного языка, часто помимо и даже вопреки «Грамматике» и «Риторике» Ломоносова, объясняются отчасти и тем, что Елагин принадлежал не к ломоносовской, а к сумароковской группировке в спорах о языке. Может быть, именно о Елагине писал Ломоносов в 1758 г. Президенту Академии наук, выражая сожаление о том, что нет при этом авторитетного учреждения «Российского собрания», «где б обще исправлять грубые погрешности тех, которые по своей упрямке худые употребления в языке вводят».¹³ С еще большим основанием мог он восставать против смелых дерзаний в переводе Лукина.

Новизна приемов, примененных в переводе повествовательной прозы, особенно же энергичное и плодотворное решение сделать структурной основой литературного языка устную народную речь, — характеризуют И. П. Елагина и В. И. Лукина как писателей, наметивших для себя новаторскую по тому времени и правильную линию демократизации и развития национальных основ русского литературного языка.

¹² В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. АН СССР, М., 1938, стр. 123.

¹³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 26.